

РОССИЯ И СИБИРЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-35-63

УДК 316.4

Экономическое поведение региональных сельхозпроизводителей сквозь призму финансового анализа*

Елена Павловна Данилова¹, Юлия Худякова²

¹ кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет
e.p.danilova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-8254-2342

² магистрант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет
y.khudyakova@utmn.ru

Аннотация. В статье представлена модель поведения современного крестьянина, которая отражает долгосрочную институциональную ситуацию сельскохозяйственных организаций в контексте в целом положительной макродинамики агропромышленного комплекса последних двух десятилетий. Цель работы — анализ экономического поведения сельскохозяйственных организаций (СХО) в контексте регулирующих и конструирующих функций современных институтов, представляемых в двух стандартных форматах: через «неформальную социологическую призму» нарративов и практик и через «экономическую призму» бухгалтерской отчетности и финансовых показателей. Статья выполнена в традициях неинституционального анализа в предметных областях экономики и социологии сельского хозяйства. Для изучения поведенческих характеристик СХО методологически применялись стандартные приемы экономического анализа параллельно с качественными методами социологического исследования. Как показало наше исследование, динамика различных по размерам СХО в целом гомогенна и постоянна. Институциональная формальная динамика нивелирует возможные отрицательные «непредвиденные последствия» тех или иных сильно рискованных неформальных действий руководителей СХО, просто «глупых» решений. Институциональная формальная динамика также воспроизводит рутины динамики занятости рабочей силы СХО и в итоге тем самым воспроизводит сельские территории «в прежнем виде». Авторы этой статьи склонны считать, что аналитика трудного различения ожидаемых и непредвиденных последствий приводит нас к простой научной метафоре: крестьянин всё делает рационально, не осознавая свой калькулятор в голове. Этому его учат практика СХО, практика его жизни и деятельности на селе и тот его «хабитус» (система установок на правильное действие), который не позволяет ему «пропасть бесцельно». Иными словами, люди на селе делают вывод о мотивах своего экономического поведения постфактум (post hoc), не обращая внимания на меню законных учётных записей, которые ему дают форматы долгосрочной бухгалтерской и финансовой отчетности. Особо подчеркнём, что для многих директоров СХО показанная им отчетность была «просто в диковинку», они о ней никогда и не думали, а просто делали своё дело.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00087).

Ключевые слова: социальное и экономическое поведение представителей сельскохозяйственных организаций; институционализированные отношения, правила и организации; институциональная динамика сельского хозяйства; институциональная логика; институциональная мозаика; изоморфные институциональные процессы и механизмы; финансовый анализ; модели поведения крестьянина; модели как ментальные систематизации динамики занятости

ВВЕДЕНИЕ

Научная проблема, решению которой посвящена статья, трактуется её авторами как наличие очевидного противоречия между теоретическими конструктами организационных институтов в экономической социологии и близкими ей подходами, и их практическими реализациями. Утверждается, что формальные структуры многих организаций в значительной степени отражают мифы их институциональной среды, а не требования их трудовой деятельности.

Теоретическая и практическая актуальность характеризуется в тех контекстах, что преобладающие теории предполагают, что координация и контроль деятельности являются критическими моментами, которые обеспечивают процветание формальных организаций. Как показала практика, организации преуспевают в случаях, если функционируют в соответствии со своими формальными схемами, когда правила соблюдаются, координация превратилась в рутину и фактическая деятельность вполне соответствует предписаниям формальной структуры. Но большая часть эмпирических исследований организаций, в том числе сельскохозяйственных организаций, ставит под сомнение это предположение. Наблюдения и обследования показывают, что есть большой разрыв между формальной и неформальной организацией: формальные организации часто слабо связаны по структурным элементам друг с другом и с деятельностью, когда правила и предписания нарушаются, решения не выполняются, а если выполняются, то часто имеют неопределённые последствия; системы оценки, контроля и инспекции сильно искажены или представлены настолько расплывчато, что обеспечивают слабую координацию на деле или

Цитирование: Данилова Е. П. Экономическое поведение региональных сельхозпроизводителей сквозь призму финансового анализа / Е. П. Данилова, Ю. Худякова // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 4 (22). С. 35-63.

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-35-63

не обеспечивают её вовсе. По данным наших эмпирических исследований на примере СХО, многие организации, отражающие институционализированные отношения, сохраняют разрывы между формализованными структурами и своей текущей деятельностью. Институционализированные правила резко отличаются от преобладающего социального поведения.

Цель данной статьи — провести анализ экономического поведения сельскохозяйственных организаций (далее — сокращённо СХО) в контексте институциональной динамики сельского хозяйства, принимая во внимание регулирующие и конструирующие функции современных экономических и социальных институтов, рассматривая экономическое поведение акторов через призму бухгалтерских и финансовых показателей. *Задачи*, решения которых должны привести к цели, сформулированы следующим образом: 1) выявить, идентифицировать и провести чёткие различия между формальной структурой организации (на основании описания условий и обстоятельств, которые приводят к возникновению рационализированной структуры) и её фактической повседневной рабочей деятельностью; 2) доказать, что разрозненные СХО не являются анархиями даже в случае отсутствия координации и контроля, поскольку повседневная практическая деятельность протекает упорядоченно. Что легитимирует институционализированные организации, позволяя им быть или казаться полезными, несмотря на отсутствие жёсткой технической проверки, так как это моральные качества внутренних участников СХО, такие как честность, добросовестность, доверие, уверенность в своих правильных действиях; 3) с точки зрения неинституциональных подходов раскрыть социальное и экономическое поведение

сельхозпроизводителей Тюменского региона сквозь призму бухгалтерско-финансового анализа типичных СХО.

Логика изложения, принятая в статье, обосновывается её авторами теми теоретическими дискурсами, нарративами и эмпирическими данными в рамках более общей парадигмы «*институциональной логики*», эвристический потенциал которой сопряжён с пониманием её смыслов как социолого-лингвистической системы знаков и словарей, состоящей из семантически и прагматически связанных концептов, в контексте институционализма как центральной перспективы экономической социологии и организационной теории. Основные смыслы «логики» любой организации связаны с такими раскрывающими её свойствами, которые направляют всю деятельность организации в её внешней среде.

Вклад авторов обозначается теоретической разработкой неинституциональной парадигмы на основе эмпирических авторских данных.

Гипотеза авторов статьи заключается в предположении того, что организации как таковые и сельскохозяйственные организации в частности функционируют, воспроизводятся и развиваются (или деградируют) в рамках характеристик институциональной логики, отражающих их идентичности, сопряжённые с территорией, иерархиями ценностей, правилами игры и смыслами, разделяемыми акторами, на основе чего происходит консолидация неформальных режимов и их противопоставление формальным правилам игры. В контексте институциональной логики происходит сглаживание противоречий между формальными и неформальными структурами: формальные структуры как бы освобождаются от жёсткости оценок их деятельности на основе технических характеристик, когда проверка, оценка и контроль сведены к минимуму, а необходимая координация, взаимозависимость и взаимная корректировка связей между структурными единицами осуществляются неформально.

Делая акцент на поведенческих характеристиках экономических агентов — сельскохозяйственных организаций, авторы статьи расширяют границы междисциплинарного подхода,

используя приемы финансового анализа вкупе с качественными методами социологического исследования. В этом заключается *научная новизна* данной работы. Для статистического анализа авторами использовались базы данных Федеральной службы государственной статистики, Росреестров фондов земли Министерства сельского хозяйства РФ [11], бухгалтерской и финансовой отчетности СХО, размещенные в открытом доступе за последние 10 лет, отчетные документы органов муниципальной власти [5].

Особую значимость приобретают эмпирические данные, полученные в ходе экспедиций исследовательского коллектива ФЭИ ТюмГУ в 2020-2022 гг., когда были собраны авторские материалы с использованием качественных методов социологического исследования. Было проведено и транскрибировано 73 экспертных и глубинных интервью с респондентами, непосредственно ведущими сельскохозяйственный бизнес и участвующими в развитии сельских территорий. В качестве экспертов были представлены руководители и собственники СХО, чиновники муниципальной власти, члены общественных организаций, представители общественности сельской социальной инфраструктуры.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Раскрывая любое проблемное поле в социально-экономической теории и оценивая состояние его изученности, важно выбрать отправную точку теоретического анализа, при этом опираясь на классические идеи основателей социологии по поводу институтов. Хорошо известно, что каждый классик выдвигал на первый план различные институциональные сферы в качестве детерминант общественного порядка: Карл Маркс — экономику, Макс Вебер — политику и организации, Эмиль Дюркгейм — культуру и религию. По мнению авторов статьи, важна позиция Макса Вебера, которая для нас интересна тем, что на основе его идей об историческом появлении бюрократии как следствии экономических рынков и централизованных государств, был определен детерминант общественного порядка, который не только вышел за пределы эко-

номической сферы, но и обосновал саму природу институционализации и её сущность: это интенсификация рационализации и порождение новых форм власти и социального контроля. В первом случае детерминант общественного порядка — это рационально-правовой аспект в лице новых прокуроров и судей; во втором — формально-организационный в лице новой бюрократии. Гипотеза Макса Вебера заключалась в том, что с распространением рационализации социальные конфликты станут всё более институционализированными — это по своей сути гениальное социологическое открытие в социальной науке. Сначала мало кто понял и оценил его смысл, глубину и фундаментальность; общее его понимание (открытие в социальной науке) было осознано лишь по прошествии большого промежутка времени, когда появились конкретные примеры его верификации.

Реальная динамика институционализированных конфликтов отражала их ослабление и на финишных стадиях в конечном итоге показывала их нейтрализацию, что было подтверждено и верифицировано.

Наследие Макса Вебера остаётся актуальным для современных дискуссий о природе и источниках стабильности и контроля в обществе. Жаркие дебаты о контроле, регулировании и власти постепенно превращаются в новый понятийно-категориальный аппарат современного институционального анализа.

Уточняя подход Макса Вебера, один из продолжателей его теории Ричард Скотт (Richard Scott) указал, что институциональный анализ должен быть основан на «трёх столпах» (англ. *three pillars*). Первый — это регулирующий столп (англ. *regulative pillar*), или первая регулятивная / регулирующая опора, отражающая достаточно давнюю социологическую традицию, которая обращала внимание на те способы, с помощью которых различные системы власти внедряют и воспроизводят правила, нормы и законы посредством принудительного навязывания организационных стандартов и мандатов.

Второй столп — нормативный (англ. *normative pillar*) или нормативная основа институтов,

отражающая те способы, с помощью которых нормы и ценности наполняют социальную жизнь смыслами и значениями, и которые, в свою очередь, воплощают предписания, оценки и обязательства. С этой точки зрения контроль является функцией индивидов, активно усваивающих нормативные ориентации и действующих на их основе.

Третья основа — столп когнитивно-культурного измерения институтов (англ. *cultural-cognitive pillar*), то есть третья основа институтов, отражающая те общие концепции и схемы, которые помогают индивидам создавать значимую для всех социальную реальность. Реинтерпретация этой веберовской традиции Ричардом Скоттом в контексте институционального анализа подчёркивала дисциплинарный эффект систем культурного регулирования.

Сочетание применения этих трёх «столпов» в институциональном анализе стало общим признанием того, что современный социальный порядок в значительной степени является достижением организации [52], где происходит смещение предпосылок и переменных всех трёх столпов в реальной жизни, в то время как аналитическая теория требует их вычленения. Аналогичным образом регулирующие, нормативные и культурно-когнитивные аспекты стали столпами всего неинституционального анализа, поскольку они подчеркивают, как, когда, при каких условиях, в какой степени атрибуты и реляционные свойства (то есть свойства отношений) организаций способствуют «сохранению статус-кво», «возврату к исходному состоянию» [56]. Для понимания и сравнения: в экономической психологии используется термин «смещение статус-кво» как тенденция противостоять изменениям. Эта тенденция объяснялась теми фактами, что риски более значимы для организации, чем возможные выгоды от перемен [50]. Таким образом операционализация концепции «столпов» стала теоретической базой для эмпирических исследований и, в свою очередь, дальнейшего построения институциональной теории в таких науках, как экономическая психология и экономическая социология. Теоретики и практики

институционализма особое внимание обращали на операционализацию, верификацию и фальсификацию (по Карлу Попперу) ключевых институциональных столпов-опор, выступающих в регулятивной, нормативной и культурно-познавательной функциях. Б. Гай Питерс (B. Guy Peters) достаточно убедительно показал, что институты в социологическом институционализме состоят из когнитивных, нормативных и регулятивных структур и действий, которые обеспечивают стабильность и смысл социального поведения [31, с. 137].

Современная социологическая теория представляется в динамической перспективе институциональных процессов и их связи с организационными полями. Современные теоретики организационных полей воздают должное Пьеру Бурдьё, который воспринимал поля не как безмятежные и спокойные социальные пространства, а как арены конфликтов, где игроки стремятся продвигать свои интересы [32]. Всё это теоретическое богатство заложило мощный фундамент для исследований других учёных, таких как Ди Маджио Пол (DiMaggio Paul) и Вальтер Пауэлл (Walter Powell) [37], Нил Флигстин (Neil Fligstein), Дуг Макадам (Doug McAdam) [25, 39], специалистов мирового уровня в этой предметной сфере. Говоря о процедурах операционализации, верификации и фальсификации в социологической традиции, надо отметить, что очень ёмкий термин «институционализация» — это и «феноменологический процесс, посредством которого определённые социальные отношения и действия становятся как бы само собой разумеющимися», и одновременно такое «состояние дел, при котором общие знания определяют», когда и «что имеет значение и какие действия возможны» [59, с. 2]. Эти формулировки вскрывают саму суть современного научного термина «институт», указывая и на его процессуальные характеристики, и на реальные итоги (результаты) деятельности организации (СХО как частный случай). Если теоретики общественного выбора и экономисты мейнстрима часто рассматривают «институт» и «соглашение» как синонимы, то социологи и теоретики организаций ограничи-

вают первый термин теми соглашениями, которые «не воспринимаются просто как удобства», а как «приобретающий статус правил в социальных мыслях и действиях» [47, с. 9]; а во втором случае, используя афоризм Ильфа и Петрова, трактуют согласие как «непротивление сторон». Развивая новые подходы неинституционализма в современной теории организации, подчёркивается, что они имеют тенденцию сосредотачиваться хотя и на широкой, но весьма ограниченной части институционального «рога изобилия» в социологии: на тех организационных структурах и процессах, имеющих, как правило, отраслевой, национальный или международный масштаб. Вместе с тем, самый последний «писк моды» в неинституционализме — это новое движение от мезо- и макро- уровней к микро-, на котором происходит объединение ряда идей, приближающих нас к «более общей институциональной теории» «Опираясь на истоки микроинституциональной мысли, включая феноменологические и этнометодологические основы, на активные области социально-психологических исследований, которые затрагивают ключевые механизмы институционализации, обсуждается роль легитимности, доверия, социального влияния и рутины. У микроинституционального исследования есть большие перспективы внести важный вклад в институциональную теорию, вернув обратно процессы, людей и места» [58]. Для адекватной интерпретации эмпирических фактов, которые приводятся в статье, важно подчеркнуть, что в организационном неинституциональном анализе за отправную точку берётся поразительная однородность практик, механизмов и договорённостей, встречающихся и в предпринимательской практике, и на рынках труда, и в школах, и в корпорациях, и на территориях, и в самых разнообразных странах. Это явление было названо «изоморфными институциональными процессами» (англ. isomorphic institutional processes) [37-38]; для статьи оно имеет особое теоретическое и практическое значение, что более подробно и детально рассмотрено ниже.

Нам важно дать определение теоретическим подходам к дефиниции экономического поведе-

ния хозяйствующего субъекта. Подчеркнём, что как теоретическое понятие «экономическое поведение» используется в различных науках, чем объясняется существование многих, в том числе и существенно отличающихся научных подходов. Большинство современных исследований исходят из противопоставления экономических и социологических подходов к анализу данного понятия, обосновывая ключевое отличие целенаправленным субъектом. Истоки подходов экономистов к исследованию экономического поведения заложены в работах А. Смита и Д. Рикардо. В последующих работах М. Шумпетера, Ф. Хайека, Г. Беккера, Д. Норта, Г. Саймона данные концепции получили свое развитие. Обозначая разные границы научного исследования экономического поведения, авторы подчеркивают ключевые признаки экономического поведения. Среди них автономность акторов, рациональность в основе принимаемых решений, которая достигается в том числе путём нестандартных (инновационных) решений. Экономическое поведение обязательно присутствует даже при условии действия неэкономических факторов. Особую роль среди факторов, регулирующих экономическое поведение, играют действующие в системе формальные и неформальные институты. Классики социологии М. Вебер, В. Зомбарт, Т. Веблен внесли свой фундаментальный вклад в теоретическую разработку понятия «экономическое поведение» как формы социального поведения. В западных исследованиях экономическое поведение раскрывается в работах Т. Парсонса, Дж. Коулмана, М. Грановеттера. Социологический подход к анализу экономического поведения отличается исследовательским вниманием к тому, как социальные субъекты реализуют свои экономические интересы, каким образом их действия лимитируются действующими социальными регуляторами и ограничителями [3, с. 23]. Как отмечал В. Верховин, «реализуя множество циклично возобновляющихся социальных действий, он (социальный субъект) сознательно или бессознательно, профессионально или непрофессионально определяет и оценивает свое участие в системе оборота экономических ценностей, с разной

степенью успешности и рациональности рассчитывает и обосновывает свои затраты и выгоды» [3, с. 23]. Часть современных социальных учёных приходят к обоснованию междисциплинарного подхода к определению экономического поведения хозяйствующего субъекта, что является наиболее актуальным. Мы исходим из того, что экономическое поведение акторов может быть реализовано в соотношении ресурсных затрат и получаемых выгод (в терминах экономического и бухгалтерского анализа — расходов и выручки), экономическая деятельность субъекта (юридического или физического лица) определяется в наибольшей мере институциональной средой его функционирования, нормами и правилами поведения, задаваемых средой, в которую входят самые разнообразные детерминанты, начиная со стартовых условий функционирования акторов, наличия доступа к необходимым ресурсам, качества этих ресурсов, наличия доверия между разными участниками взаимодействий, неопределённости в отношении способов достижения целей.

Теория. Фактуальная база, верифицирующая теорию, которая предлагается в этой статье, является операционализацией наиболее важных наборов концептуальных структур и процедур, которые следует отнести к уровню современного воплощения концепции «среднего диапазона» или «среднего радиуса действия» (англ. middle-range theory) по Роберту Мертону (Robert Merton). Теория среднего диапазона важна сама по себе, но она также имеет значение как идеальный пример того, что представляет собой аналитическая социологическая теория, а именно ясных и точных концептов, детализирующих процесс, посредством которого индивиды во взаимодействии друг с другом приводят к социальным фактам, подлежащим объяснению [44, с. 27]. Как известно, в методологическом отношении понятие теории среднего диапазона имело свой собственный конструктивный контекст — такой, чтобы дистанцироваться и от «великой теории» (Толкотта Парсонса), с одной стороны, и от «грубого эмпиризма», с другой. Общая ориентация Роберта Мертона на социологию имеет много

общего с подходом Джеймса Коулмана (James Coleman), который настаивал на том, что любые теории о макро- и мезо-феноменах должны иметь прочное микро-основание, хотя бы в виде продвигаемой им «теории целенаправленного действия» (англ. theories of purposeful action) [33-35]. Это — форма структурного индивидуализма, которая отличается от традиционного методологического индивидуализма тем, что подчеркивает объяснительную важность социальных структур [44]. В случае с Робертом Мертоном мы имеем социальные структуры, ограничивающие действия индивидов, и культурную среду, формирующую их желания и убеждения.

Аналогичный подход концепции «среднего диапазона» у Энтони Гидденса (Anthony Giddens), который считается одним из самых выдающихся современных социологов. Его вклад в науку — теория структурирования (англ. structuration), анализ агентности / деятельности и структуры (англ. agency and structure), двойственность структуры (англ. duality of structure), благодаря которым социальная практика получила богатое теоретическое и аналитическое воплощение как основная единица исследования, имеющая и структурный и агентский компоненты; исследования особенностей социальных конструкций власти, современности и институтов, а саму социологию он определял как «изучение социальных институтов» («the study of social institutions»); институты как главные жизнеобеспечивающие средства организации жизни людей, которые они создают в процессе действия и взаимодействия друг с другом, посредством которых сохраняется преемственность поколений» [42, с. 381]. Имеет значение «двойная герменевтика» (англ. double hermeneutic) — теория Энтони Гидденса о том, что повседневные «непрофессиональные» концепции и концепции из социальных наук имеют двустороннюю взаимную связь [41, с. 20-21]. Смысл концепта двойной герменевтики состоит в том, что социологи изучают не только то, что люди делают, они также изучают, как люди это делают, как понимают свой мир и как восприятие социального мира формирует их действия [43, с. 9]. Под структурами Гидденс понимает усто-

явшиеся способы ведения дел: моральные кодексы, традиции, институты, другие различные наборы ожиданий, считая, что хотя они стабильны, но изменяются за счёт непреднамеренных последствий своих действий, в терминах Роберта Кинга Мертона. Его статья «Непредвиденные последствия целенаправленного социального действия» [46] имеет множество до сих пор не оценённых по своей глубине идей, которые являются центральными для понимания институциональной устойчивости и жёсткости институциональных связей микро-, мезо- и макро-уровнями. Мертон проводил точное различие между непреднамеренным «поведением» (англ. unintentional «behavior») и целенаправленным «действием» (англ. purposeful «action»), в полной мере осознавая важность чёткого разграничения между рациональным действием и целенаправленным или преднамеренным (интенциональным) действием, когда писал: «не следует делать вывод, что целенаправленное действие подразумевает «рациональность» человеческих действий (что люди всегда используют объективно наиболее адекватные средства для достижения своей цели)» [46, с. 896]. «Считать, что заинтересованное действие на самом деле обязательно влечёт за собой рациональный расчёт элементов ситуации, в такой же степени ошибочно, как и отрицать, что рациональность оказывает какое-либо влияние на такое поведение» [46, с. 902]. Следующее различие, введенное Мертоном, — это основная разница (англ. distinction) между ожидаемыми и непредвиденными последствиями. Поскольку аналитик не может точно знать цель, которая мотивирует действие другого индивида, это затрудняет различение ожидаемых и непредвиденных последствий. Однако Мертон не считал эти трудности непреодолимыми: «в конечном счёте, заключительный тест таков: имеет ли смысл сопоставление явного действия, наших общих знаний об акторе и конкретной ситуации и предполагаемой или признанной цели, и существует ли между ними, как выражался Вебер, «понятный смысловой контекст» (нем. verständlich Sinnzusammenhang)? «Если аналитик сознательно подвергает эти элементы такому

исследованию, существует значительная вероятность того, что его вывод относительно цели в большинстве случаев не слишком далек от истины» [46, с. 897]. Хотя эта форма проверки на правдоподобие имеет решающее значение, мы не уверены, что Мертон считал интроспекцию «последним испытанием» или «последней проверкой» (англ. the final test). Последний набор различий касается причин или обоснований действий, не приводящих к последствиям, которые его мотивировали, и Мертон различал несколько источников, среди которых незнание, невежество, ошибки, сложность (как правило, связанная в итоге с неверным анализом реальной проблемы), близорукость (как правило, когда немедленный результат перевешивает долгосрочные последствия); принятие желаемого за действительное; «застойный хабитус» («stagnant habitus»), то есть когда привычки, хорошо работавшие в прошлом, больше не применимы к текущей ситуации; «негативный парадокс» («negative paradox»), то есть когда принимаемые решения, действия приводят к прямо противоположному результату: «противоположный изначально планируемому эффект» («opposite of the originally planned»), когда преднамеренное решение делает проблему ещё хуже. Тем самым, Мертон выявил ряд факторов, которые действуют как клинья между индивидуальными намерениями и фактическими результатами. Существование таких клиньев, однако, не заставило его отказаться от типа объяснительной структуры микро-, мезо- макро-, потому что лишь обосновывая макро- в целенаправленных действиях индивидов, нельзя понять, почему мы наблюдаем устойчивые результаты на макроуровне. По сути дела, Роберт Мертон вскрыл те институциональные черты и механизмы, которые более точно операционализировал Энтони Гидденс позже в своём исследовании двойной структуризации как устоявшиеся способы ведения дел, куда включал моральные кодексы, традиции, нормы и правила игры, институты, другие различные наборы ожиданий. Особо не углубляясь в понятийно-категориальный аппарат его теории, важно отметить, что «двойственность структуры» под-

чёркивает разные стороны одного и того же центрального вопроса о том, как вообще создается социальный порядок. Двойственность структуры, по сути, представляет собой процесс обратной связи, посредством которого агенты и структуры взаимно активируют социальные системы, а социальные системы, в свою очередь, становятся частью этой двойственности. Гидденс исследует «модальности», «фреймы» «взаимодействия» с помощью которых структуры преобразуются в действия. Более точно операционализируя свою теорию, он выделяет и переопределяет следующие её компоненты. Структуры — это «правила и ресурсы» (англ. rules and resources), встроенные в «следы памяти» (англ. memory traces) акторов, которые обращаются к следам своей памяти, о которых они «осведомлены» (англ. knowledgeable), для выполнения социальных действий. «Способность к знанию» (англ. knowledgeability) относится к тому, что акторы знают о том, что они делают, и знают, почему они это делают. Гидденс разделил следы памяти как «структуры внутри знания» (англ. structures-within-knowledgeability) на три типа: доминирование (власть, значение / смыслы, легитимация (нормы). «Доминирование» — это преобладание, или господство — оно обозначает ресурсы «авторитетного типа» (англ. authoritative resources), которые позволяют акторам контролировать людей, тогда как «распределительные ресурсы» (англ. allocative resources) позволяют акторам контролировать материальные объекты. «Значение» (смысл, понятие, значимость) предполагает, что смысл выводится через структуры, когда акторы используют существующий опыт, чтобы делать собственные выводы (например, смысл жизни с психическим заболеванием проистекает и исходит из контекстуализированного опыта). «Легитимация» (нормы) — это процесс признания актором значимости социальной реальности как в целом, так и в её отдельных проявлениях; актор использует свои запасы знаний через память, чтобы информировать себя о внешнем контексте, условиях и потенциальных результатах действия. Когда актор использует эти структуры для социальных

взаимодействий, они называются модальностями (англ. modalities) и проявляются в разнообразных формах установки на объект доминирования, интерпретирующей схемы, коммуникации, обозначения, социальных норм, санкций и легитимации. При выполнении действий акторы совершенствуют и рационализируют модальность и, поступая таким образом, повышают свою осведомленность и компетентность. При выполнении действий акторы должны координировать текущие проекты, цели и социальные контексты. Эта координация называется рефлексивным мониторингом; она связана с фокусированием на присутствии акторов чувстве ответственности (англ. intrinsic sense of accountability). Факторы, которые могут ограничивать актора или включать его в более широкие связи и контексты действий, а также то, как он использует структуры, известны как ограничения возможностей (англ. capability constraints), включая пол, возраст, когнитивные и физические ограничения на выполнение нескольких задач одновременно и физическую невозможность находиться в нескольких местах сразу, доступность и связь между движением в пространстве и во времени. Теория структурирования уже с момента своего рождения оставалась ключевой в понимании процессов институционализации и получала своё дальнейшее развитие, расширение и углубление, особенно дефиниции двойственности структуры и актора (двойственности структурирования и агентства) в её современном воплощении [41-43].

На наш взгляд, все представленные здесь компоненты адекватно обеспечивают механизмы самодетерминации актора и структуры в процессах институционализации. Имеет значение также и то, что Энтони Гидденс понимал под воспроизводством институтов, а именно: постоянное возобновление процесса производства систем взаимосвязанных социальных норм, ожиданий и установок, коллективно разделяемых ценностей, обобщающихся как различные способы действия, мышления и чувствования, порождающие практики социальной жизни. Дефиниция воспроизводства социальной структуры также имеет значение в анализе непрерывного возобновления

конкретных статусных групп, их стилей жизни и жизненных шансов. Социология как научная дисциплина обращается к такой дефиниции Энтони Гидденса, как рефлексивная реальность, и этот концепт особенно важен для понимания процессов и результатов институционализации. Термин рефлексия (англ. reflection) обозначает критический анализ интенций сознания, прояснение предельных оснований и предпосылок человеческого мышления, а также коммуникативных практик и практической деятельности. Основные формы рефлексии как познавательной процедуры — это сомнение, ирония, критика, парадокс, вопрошание, которые обычно вскрывают сущность происходящего и возможного будущего. Теория структурирования и актора оживляет изучение пространства и времени в других прикладных теориях среднего диапазона, например, если акцентировать своё внимание на подходах, основанных на ритуалах, сообществах, нарративах, неформальных системах общения, когда тремя модальностями являются «ресурсы», «свобода информации» и «формальные и неформальные концепции и правила поведения». Более того, прикладные теории структурирования интегрируют всех членов организации в действия на всех организационных уровнях, а, допустим, не в отдельном офисе; раскрывают весьма интересные прикладные морально-этические соображения, касающиеся того, должна ли социальная система трансформироваться именно в этом контексте или нет.

Нужно также обозначить в качестве использования в рамках среднего радиуса действия и другие подходы, раскрывающие процессы институционализации, предлагаемые другими авторами, которые демонстрируют практически одну и ту же дискурсивную схему рутинизации жизнедеятельности коллективов, включая СХО.

Дело в том, что постоянное и повторяющееся качество большей части организованной жизни людей, предприятий и территорий, можно объяснить не просто ссылкой на отдельных, максимизирующих акторов, но, скорее, той точкой зрения, которая определяет постоянство практик в их само собой разумеющемся качестве, и в их

воспроизведении в социальных структурах, которые до некоторой степени имеют самоподдерживающийся характер [57]. При этом имеют особое значение способы концептуализации окружающей среды, которая оказывает или тонкое или грубое влияние на организации, включая СХО; они могут быть как полностью кооптированы организациями (беспрекословное выполнение всех приказов вертикальной власти), так и проникать в организацию более мягким образом, создавая своеобразные «неформальные линзы» понимания ситуации, через которые акторы (действующие лица) видят мир, смотрят на мир, создают мир и по-своему алгоритмизируют социальные структуры, возможности действий и типы мышления. Известно, что на селе моральные системы отсчета традиционно имеют большое значение, вместе с тем «институционализация» — это по своей сути когнитивный процесс, когда нормативные и моральные обязательства входят в социальную жизнь прежде всего как жёсткие «социальные факты» в понимании Эмиля Дюркгейма, которые действующие лица должны принимать во внимание. По мере того, как акторы (агенты) разрабатывают свои корпоративные подразделения (СХО) для решения адаптивных проблем производства и выживания, они начинают формировать культуру, объясняя то, что они пытаются сделать. Утверждая, что определенный способ ведения дел наиболее вероятен, этот дискурс почти всегда носит моральный характер. В результате внедрения нарративов, возникает идеология институциональной сферы; и эта идеология узаконивает и оправдывает то, как корпоративные единицы в поле действуют и взаимодействуют, формируя его структуру и культуру. Обобщенные средства информации в форме дискурса могут стать ценным ресурсом, который подразделения распределяют неравномерно среди членов СХО. Культурная интеграция возрастает, когда существует консенсус по поводу приемлемости данной обобщенной символической среды в качестве темы для дискурса, нарратива, конструирования текста, обмена и распространения, потому что для построения согласованной идеологии, как правило, исполь-

зуются именно моральные принципы, элементы которой согласуются друг с другом и по которым достигается консенсус. В результате акторы видят и ориентируются в своей среде с общей культурой, которая узаконивает их действия, зачастую представляет ценные ресурсы, имеющие институциональное подкрепление.

Учитывая моральные нормы и ценности, неинституциональная социология в своей теории обращает внимание прежде всего на само собой разумеющиеся сценарии, правила и классификации — материал, из которого, собственно, и создаются институты. По достаточно точному определению Роджера Фридланда и Роберта Алфорда, «институты состоят из символов и материальных практик, а общество состоит из множества институциональных логик, которые доступны индивидам и организациям в качестве основы для результативных действий» [39, с. 253]. Итогом всего этого теоретического богатства мы имеем своего рода «институциональную мозаику» в виде символов, практик, общностей, логик действия, которые должны быть доступны индивидам и организациям в качестве фундаментальной опоры для своих действий. Вместе с тем, эта институциональная мозаика ещё недостаточно определена для конкретных исследований, поскольку носит достаточно однородный (изоморфный) характер.

Как известно, впервые изоморфные институциональные процессы на теоретическом уровне исследовали Ди Маджио и Пауэлл [37–38]. Они попытались объяснить «поразительную однородность организационных форм и практик» как результат действия трёх изоморфных механизмов в институциональной среде — принудительного, миметического (подражательного) и нормативного. Ди Маджио и Пауэлл исследуют изоморфные институциональные процессы, чтобы объяснить «поразительную однородность организационных форм и практик». Они объясняют эту однородность как результат действия трёх изоморфных механизмов — принудительного, миметического (подражательного, похожего, сходного) и нормативного в данной институциональной среде. Организации подчиняются политическим пра-

вилам, навязываемым государством, имитируют успешные форматы организации в ответ на неопределенность и соблюдают правила профессионализма, пропагандируемые академическими школами обучения и учебными ассоциациями. Все эти институциональные действия выстроены также по типу самодерминации указанных выше изоморфных механизмов — принудительного, миметического и нормативного. На наш взгляд, они достаточно адекватно с *теоретической точки зрения* описывают любые организации, включая СХО, встроенные в местные сообщества, с которыми они связаны множественной лояльностью персонала, выработанными внутриорганизационными соглашениями, разными форматами кооптации и лояльности, особенно во взаимодействиях «лицом к лицу», что и явно и зримо проявилось в транскрибированных нарративах экспертных интервью. Всё это по сути дела означает, что, как показал Б. Гай Питерс,

институты состоят действительно из когнитивных, нормативных и регулятивных структур и действий, которые обеспечивают стабильность и сам смысл социального поведения и самовоспроизводства [31] социальных, агентских и контекстуальных структур.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Для целей исследования выбраны три сельхозпредприятия Казанского района Тюменской области. Выбор обоснован тем, что именно в южной части региона наблюдается концентрация сельскохозяйственных территорий: на их долю приходится десятая часть общей площади, занимаемой Тюменской областью (без автономных округов); каждый третий проживающий — житель села (32,2% населения юга Тюменской области проживают в сельских поселениях) [7].

Рис. 1. Карта муниципальных районов юга Тюменской области — территорий проведения эмпирического исследования (экспертного опроса)

Fig. 1. Map of municipal districts of the south of the Tyumen region — territories of empirical research (expert survey)

В структуре АПК региона, который занимает лидирующие позиции по многим видам сельскохозяйственного производства среди регионов Уральского федерального округа, представлены отрасли животноводства, растениеводства, активно развивается птицеводство и рыбное хозяйство. По данным сельскохозяйственных переписей 2016 и 2021 гг. стоимостный показатель объема выпуска сельскохозяйственной продукции в регионе увеличился на 8,7% (таблица 1). Прирост показателя достигнут за счет активного развития сельскохозяйственных организаций, их объем выпуска увеличился почти в полтора раза (на 48,5%), хотя количество самих предприятий этой группы изменилось незначительно (+8%).

Таблица 1. Показатели сельского хозяйства Тюменской области (без автономных округов) по категориям хозяйств, 2016 и 2021 гг.

Table 1. Indicators for agriculture in the Tyumen region (excluding autonomous districts) by categories of farms, 2016 and 2021.

Категории хозяйства	Продукция сельского хозяйства, млрд руб.		Число объектов переписи, тыс. ед.		Общая площадь угодий в среднем на 1 объект переписи, га	
	2016	2021	2016	2021	2016	2021
Сельскохозяйственные организации	37,5	55,7	537	580	1529,5	3722,3
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	5,4	5,7	1452	1041	268,5	495,0
Хозяйства населения	31,5	19,5	224	187,7	97,7	0,2

Источник: [21].

Чем определяется экономическое поведение сельхозпроизводителей? Каковы количественные и качественные маркеры его изменения? Каким образом вписаны практики реальных сельскохозяйственных организаций в изоморфные институциональные процессы? Попробуем разобраться в этом через призму бухгалтерского и финансового анализа, используя объективные данные финансовой отчетности предприятий и прикладного социологического анализа, используя субъективные иллюстрации (глубинные интервью) непосредственных участников происходящих процессов.

В качестве объектов исследования выбрано три сельхозпредприятия Казанского района —

Именно сельскохозяйственные организации — динамично развивающийся сегмент сельского хозяйства. Количество крестьянско-фермерских хозяйств и хозяйств населения, т. е. структур мелкого бизнеса значительно сократилось (на 28% и 16% соответственно).

Обратим внимание, что при сокращении части сегментов сельхозпроизводства по числу субъектов хозяйствования происходит их укрупнение. В первую очередь на эту тенденцию указывает концентрация основного ресурса — площадь сельскохозяйственных угодий на одно предприятие существенно возросла (в сегменте сельскохозяйственных организаций в 2,4 раза, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей в 1,8 раза).

это территориально небольшой муниципалитет на самом юге Тюменской области, граничащий с сопредельным государством Казахстаном. Несмотря на незначительную территорию Казанский район считается густонаселенным (более 20 тыс. человек). Для сравнения, в соседних Сладковском и Бердюжском районах, сопоставимых с Казанским по площади, численность населения в два раза меньше. Более 140 озер с общей водной поверхностью 14 тыс. га делают эту территорию перспективной для развития рыбного товарного хозяйства (в 2020 г. годовой прирост производства рыбы составил 56,3%). Основное богатство района — это земельные ресурсы: 28 тыс. га

сенокосов, 51,4 тыс. га пастбищ, сельскохозяйственными угодьями занято 174,2 тыс. га [8, 10]. В сельскохозяйственном производстве заняты 11 сельхозпредприятий различных форм собственности и 28 хозяйств малых форм (ИП и КФХ).

Для целей исследования изучены три сельскохозяйственные организации. Все они образованы на «останках» колхозов и совхозов советского периода после перехода всех сельскохозяйственных ресурсов в частную собственность. Предприятия осуществляют свою деятельность одновременно в двух отраслевых сегментах: животноводство и растениеводство. Здесь занимаются разведением молочного крупного рогатого скота, производством сырого молока, выращиванием зерновых культур.

Первое сельскохозяйственное предприятие (СХО-1) — одно из крупнейших в районе (численность персонала 400 человек; включает 5 производственных структурных подразделений в различных муниципальных образованиях Казанского района), входит в десятку лучших сельхозпредприятий области. Основной вид деятельности по ОКВЭД — выращивание зерновых культур, разведение молочного крупного рогатого скота и производство сырого молока. СХО-1 — технологически оснащенное предприятие на достаточно высоком уровне: при производстве зерна, кормов и семян применяется импортная производственная техника, приобретенная во многом благодаря участию предприятия в региональной целевой программе, направленной на переоснащение отрасли растениеводства и внедрение ресурсосберегающих технологий. На сегодняшний день СХО-1 является не только центром трудовой деятельности жителей Казанского района, но и активно участвует в развитии социальной сферы территории, что является устоявшейся практикой и рассматривается авторами статьи в качестве одного из ведущих институциональных факторов развития сельских территорий. Второе сельскохозяйственное предприятие (СХО-2) — средняя по своим размерам сельскохозяйственная организация (численность персонала 200 человек). Третья сельскохозяйственная организация (СХО-3) — небольшое предприятие, объединяющее отдельных мелких

производителей и тех, кто занимается производством товарного молока в личных подсобных хозяйствах. Организационно-правовая форма СХО-3 — производственный кооператив — выбран для нашего анализа исходя из того, что такая форма организации производства в последние годы сокращается. Как отмечалось в наших предыдущих исследованиях, «такой институциональный формат, как «производственный кооператив» за 20 лет потерял почти половину своего земельного банка» [6]. Площади земель, используемые сельскохозяйственными кооперативами, сократились по всей России в 2005-2020 гг. с 70,8 млн га в 2005 г. до 38,8 млн га к 2020 г. [6].

У сравниваемых нами СХО по ключевым экономическим показателям в течение всего анализируемого периода в целом происходит увеличение выручки, хотя и с периодическими «проседаниями» в 2016, 2018, 2021 гг. Несмотря на некоторый рост цен на продукцию, рост выручки указывает на повышение объемов производства по основному виду деятельности всех изучаемых нами СХО по Казанскому району (рис. 2-4).

Однако любого предпринимателя в большей степени волнует вопрос, сколько останется средств в его распоряжении после учета всех расходов и обязательных платежей, среди которых не только себестоимость продукции и иные расходы, связанные с производством и продвижением продукции, но и налоги, а главное — проценты по кредитам. Проблема закредитованности СХО хорошо известна. Этот момент с точки зрения институциональной теории фиксирует факт того, что имеется институциональная инерция, почему-то формально выгодная почти всем заинтересованным сторонам, хотя по неформальным показателям идут потери. Продолжим «расшифровку» финансовых данных.

Основной результирующий показатель предпринимательской деятельности — чистая прибыль. Но производя и продавая товар, далеко не всегда сельхозпроизводитель может получить прибыль. Данные финансовой отчетности предприятий напрямую указывают на возможность такого положения дел. В отличие от рассмотренной тенденции увеличения выручки всех трех предприятий, обусловленной одновременно

укрупнением производства, ростом объемов выпуска, а также ростом рыночных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, очевидна тенденция снижения показателя «чистая прибыль». Эта тенденция характерна для всех предприятий, анализ экономического поведения которых мы проводим. Крупное «проседание» по этому показателю наблюдается в 2014 г., введенные экономические санкции явно отразились на деятельности предприятий даже в глубинке. В 2015-2018 гг. показатель чистой прибыли находится практически в критичном состоянии; происходит снижение чистой прибыли у анализируемых предприятий в 2021 г. по сравнению с 2020 г.

Обратим внимание на то, что более крупное предприятие (СХО-1) в меньшей степени подвер-

жено колебаниям показателей, а чистая прибыль на протяжении всего периода положительна. Чем меньше сельскохозяйственное предприятие, тем более ощутимо колебание ключевых финансовых показателей деятельности. Крупный производитель в определенной степени защищен диверсификацией производства (СХО-1 производит товарную продукцию и в растениеводстве, и в животноводстве), а также действием экономического закона масштаба производства, который гарантирует снижение издержек производства на единицу продукции (себестоимости) при увеличении объема выпуска. Этот факт, по нашему мнению, один из ключевых экономических факторов, объясняющих тенденцию концентрации ресурсов и укрупнения производства.

Рис. 2. Динамика выручки и чистой прибыли СХО-1, млн руб.

Fig. 2. Dynamics of revenue and net profit of agricultural organization (AO)-1, million rubles

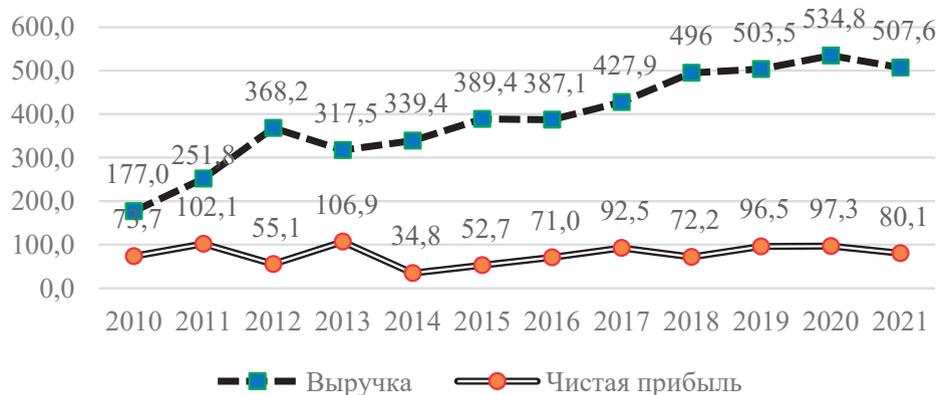

Рис. 3. Динамика выручки и чистой прибыли СХО-2, млн руб.

Fig. 3. Dynamics of revenue and net profit of AO-2, million rubles

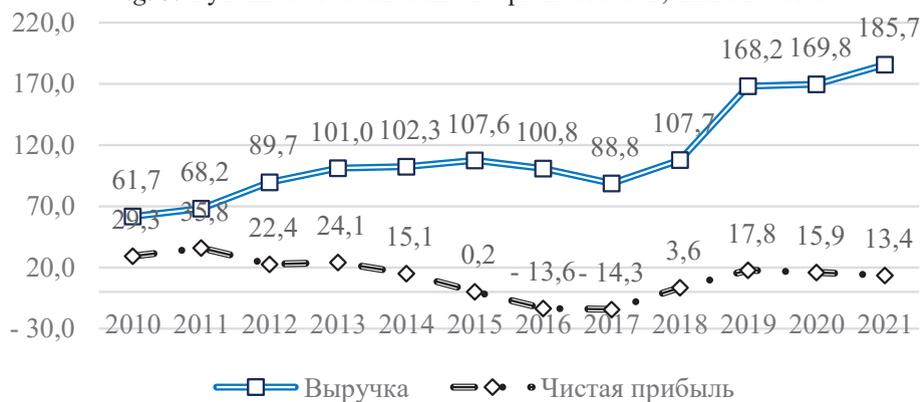
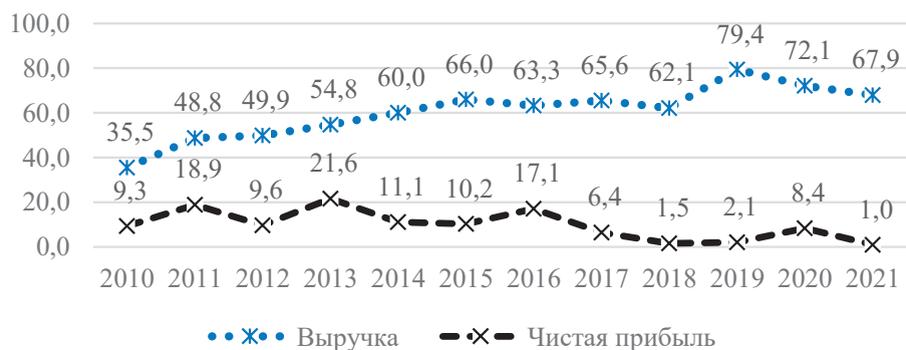

Рис. 4. Динамика выручки и чистой прибыли СХО-3, млн руб.
 Fig. 4. Dynamics of revenue and net profit of AO-3, million rubles

Отмечая в динамике показателей тенденции роста выручки при одновременном сокращении прибыли, важно констатировать,

что рентабельность сельскохозяйственного производства демонстрирует невысокие значения (рис. 5-7).

Рис. 5. Динамика общей рентабельности исследуемых СХО, %
 Fig. 5. Dynamics of the total profitability of the studied AO, %

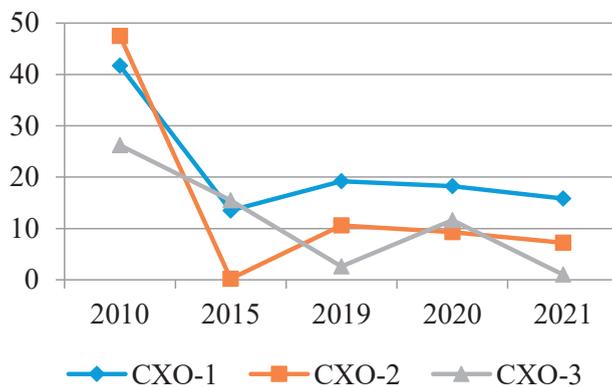

Рис. 6. Динамика рентабельности основной деятельности исследуемых СХО, %
 Fig. 6. Dynamics of profitability of the main activity of the studied AO, %

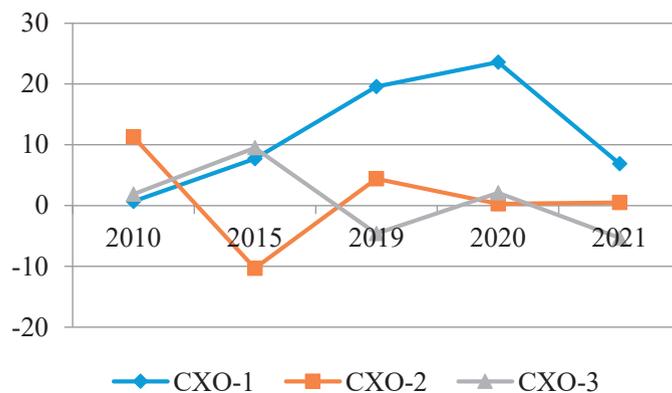
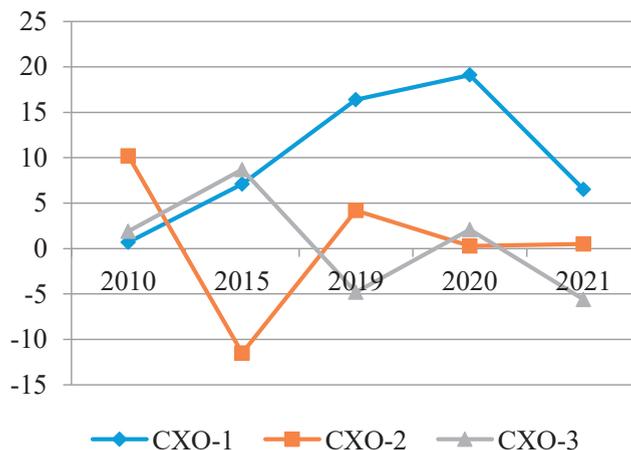

Рис. 7. Динамика рентабельности (убыточности) продаж исследуемых СХО, %
 Fig. 7. Dynamics of profitability (loss) of sales of the studied AO, %

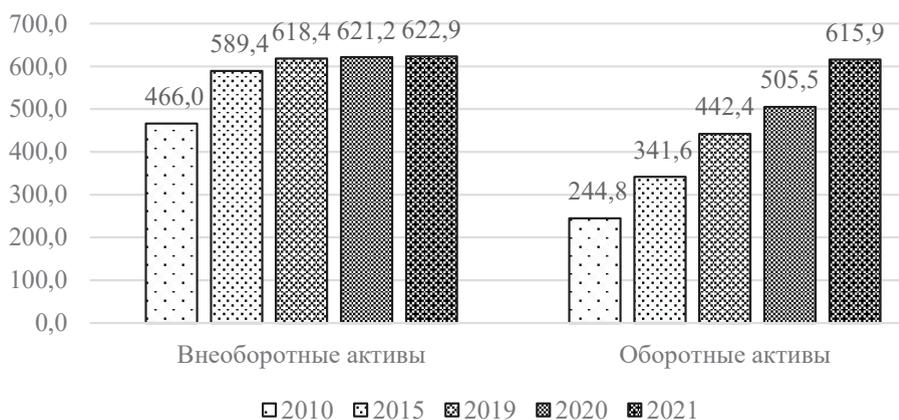
По расчетным данным, показатели общей рентабельности, рентабельности основной деятельности и рентабельности (убыточности) продаж за рассматриваемый период преимущественно снижаются, и для менее крупных организаций (СХО-2 и СХО-3) в отдельные годы принимают даже отрицательные значения.

Одна из причин — достаточно высокая себестоимость продукции. По открытым данным финансовой отчетности рассматриваемых предприятий наблюдается увеличение себестоимости,

что является негативной тенденцией для СХО-1 и СХО-2. Именно по показателю себестоимости руководитель может определить корректный финансовый результат. Темп роста издержек СХО-3 в 2021 г. в сравнении с 2020 г. превысил прирост выручки, и прибыль от продаж имеет отрицательную динамику.

Чистая прибыль напрямую связана с внеоборотными активами предприятия, и для выяснения, по каким причинам снижается прибыль, необходимо детально изучить динамику активов предприятий.

Рис. 8. Динамика активов СХО-1, млн руб.
 Fig. 8. Dynamics of assets of AO-1, million rubles

На рисунках 8-10 показана положительная тенденция увеличения активов всех трех сельскохозяйственных организаций. Видно, что

СХО-1 увеличивает свои оборотные активы для улучшения финансовой устойчивости. Также наблюдается увеличение внеоборотных активов

в 2021 г., это произошло за счёт увеличения основных средств на 12132 тыс. руб. По данным, представленным на рисунке, также видно, что внеоборотные активы преобладают над оборотными активами, что указывает на фондоёмкость СХО-1. Увеличение внеоборотных активов является положительной тенденцией и для СХО-2. Исходя из данных на рисунке, можно отметить, что оборотные активы преобладают над внеоборотными, что свидетельствует о финансовой устойчивости предприятия. Наблюдается увели-

чение внеоборотных активов СХО-3 в 2021 г., это произошло за счёт увеличения основных средств на 2829 тыс. руб. По данным, представленным на рисунке, также видно, что внеоборотные активы преобладают над оборотными и находятся в стабильном состоянии, что свидетельствует о фондоёмкости и СХО-3.

Произошли значительные изменения и в источниках имущества рассматриваемых сельскохозяйственных организаций. Для понимания представим данные на рисунках 11-13.

Рис. 9. Динамика активов СХО-2, млн руб.
Fig. 9. Dynamics of assets of AO-2, million rubles

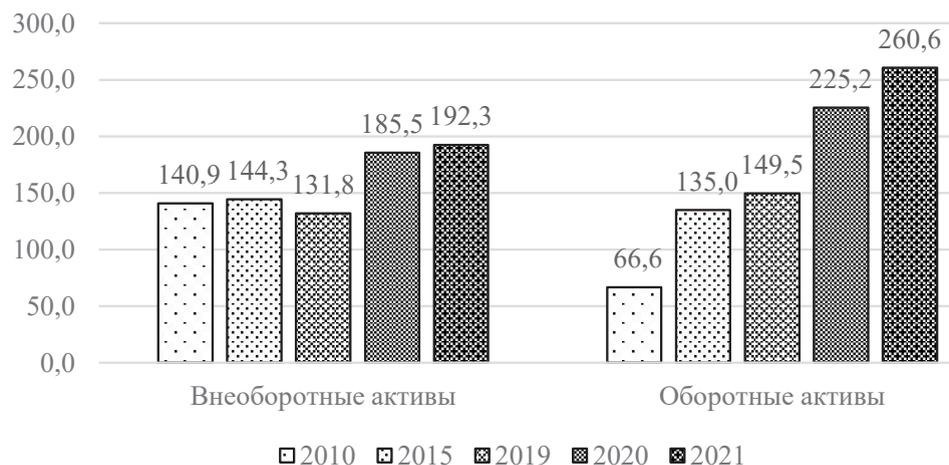

Рис. 10. Динамика активов СХО-3, млн руб.
Fig. 10. Dynamics of assets of AO-3, million rubles

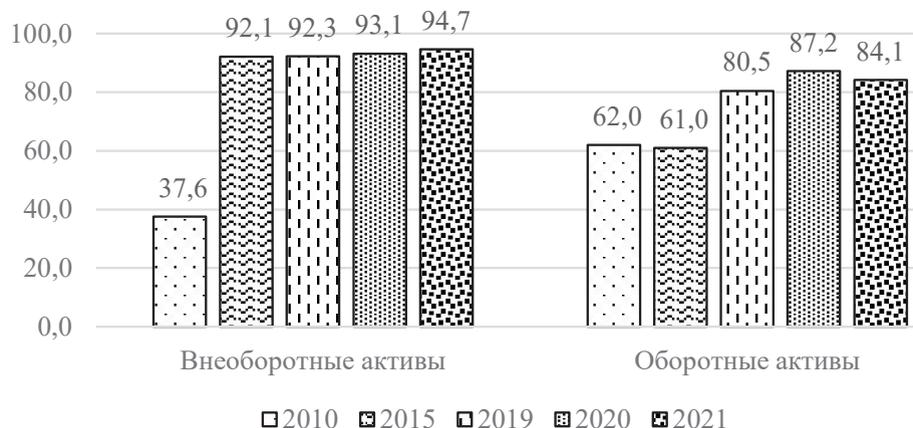

Рис. 11. Динамика пассивов СХО-1, млн руб.
Fig. 11. Dynamics of liabilities of AO-1, million rubles

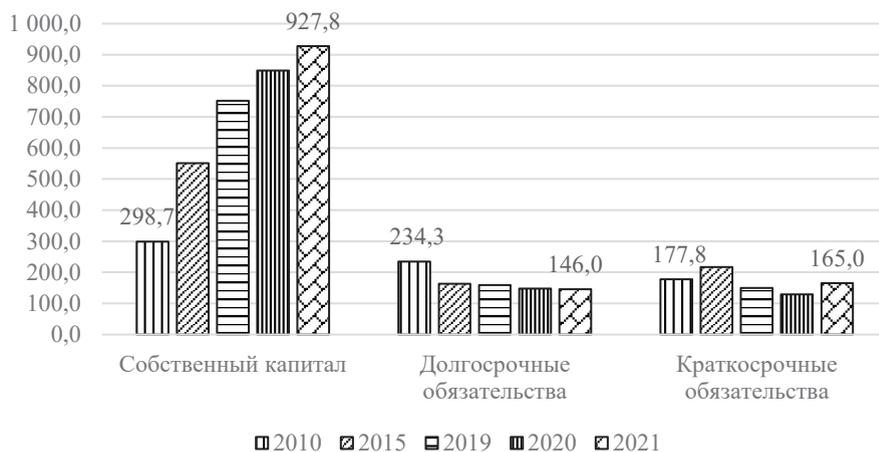

Рис. 12. Динамика пассивов СХО-2, млн руб.
Fig. 12. Dynamics of liabilities of AO-2, million rubles

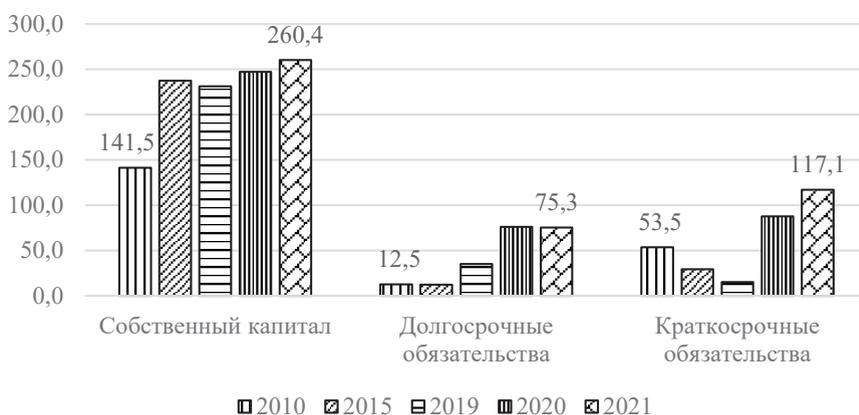
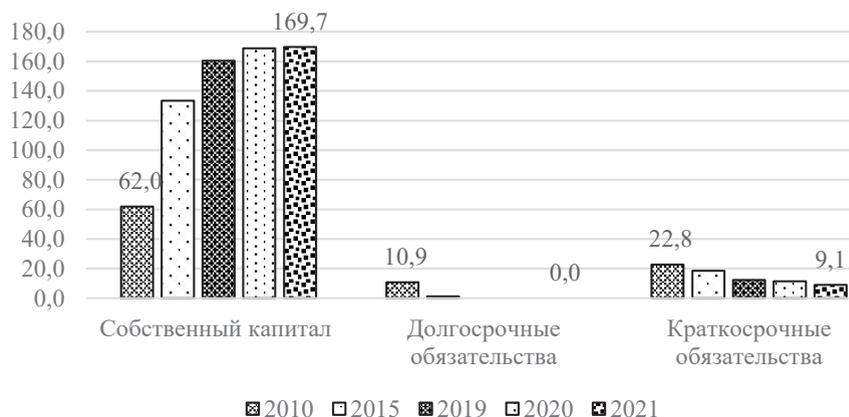

Рис. 13. Динамика пассивов СХО-3, млн руб.
Fig. 13. Dynamics of liabilities of AO-3, million rubles

В 2021 г. наблюдается увеличение собственных средств у СХО-1 на 78339 тыс. руб. в сравнении с 2020 г., что указывает на положительную тенденцию для финансового состояния предприятия, так как увеличение объема личных источников капитала свидетельствует о реинвестировании заёмных средств.

В 2021 г. у СХО-1 наблюдается снижение долгосрочных обязательств на 1660 тыс. руб. по сравнению с 2020 г., что является негативной тенденцией в сочетании с ростом краткосрочных обязательств. Чем меньше объем краткосрочного кредитования, тем меньше вероятность формирования зависимости от краткосрочных, но постоянно возобновляемых источников средств, риск использования которых всегда высок.

В 2021 г. наблюдается увеличение собственных средств у СХО-2 на 13359 тыс. руб. в сравнении с 2020 г. Также наблюдается преобладание краткосрочных обязательств над долгосрочными, что является негативной тенденцией, а увеличение краткосрочных обязательств предполагает рост финансовых рисков. СХО-2 в 2021 г. увеличила краткосрочные обязательства, в связи с этим происходит заметное снижение чистой прибыли — на это повлияли появившиеся обязательства по кредиту. Основная доля расходов, которая повлияла на снижение рентабельности продаж, заключается в привлечении кредита и расходов по нему, а также покупке основных средств, ведущих к расходам по амортизации.

У анализируемых предприятий наблюдается преобладание собственного капитала над краткосрочными и долгосрочными обязательствами, что указывает на положительную тенденцию для финансового состояния предприятий, так как объем личных источников капитала свидетельствует о реинвестировании заёмных средств.

Следует отметить, что большинство СХО начали своё дело ещё в период перестройки и гласности (с 1984 г.), когда подавляющая часть населения СССР испытывали жизненные трудности, которые продлились до конца 1990-х гг. К трудностям относились невыплата или задержка заработной платы, увольнения работников при ликвидации предприятия. Безусловно, такой

переход в исторический период перестройки и гласности (с 1984 г.), когда подавляющая часть населения СССР испытывали суровые жизненные трудности, которые продлились до конца 1990-х гг. Он был трансформирован в новые форматы институциональных перемен: появление частной собственности на землю и на другие редкие ресурсы, формирование сырьевых и продуктовых рынков, что было подкреплено соответствующими правовыми документами и законами. Вместе с тем у жителей сел, решивших остаться на своей земле, не было выбора. Самое простое решение — продолжать использовать оставшиеся от колхозов и совхозов производственные мощности, технологии, экономические и социальные связи и те же рабочие руки бывших колхозников. Смогли организовать этот процесс, выступив в новой роли сельских предпринимателей как правило бывшие главные (или не главные) агрономы, зоотехники, председатели колхозов. Подобных историй в ходе проведения интервью было выявлено достаточно много. Большая часть бизнесменов отождествляют успешность своей деятельности с получением именно прибыли, возможностью делать своевременные выплаты.

Нарративы. В экспертных интервью с сельскими предпринимателями был задан вопрос: «Можно ли назвать Ваше предприятие успешным?». Приведем цитаты из ответов на данный вопрос:

«Да. Потому что хорошая прибыль, обеспечиваем людей работой, выдаем заработную плату вовремя» (эксперт, мужчина, сельское хозяйство (животноводство и растениеводство)).

«...Мне предприятие приносит достаточно денег. Поэтому я считаю его успешным» (эксперт, мужчина, производство комбикормов).

«...С поставленными целями и задачами справляемся, даже показатели превышают то, что было заложено в бизнес-плане на 5 лет. Поэтому считаем, что всё пока идёт по плану» (эксперт, мужчина, животноводство).

Условиями достижения успешности в современном сельскохозяйственном производстве, как и в других отраслях, эксперты считают привлече-

ние новой техники, оборудования, использование новых технологий. Например:

«...Должны работать по-современному, использовать современные технологии... Самое главное — новая техника, внедрение новых технологий» (эксперт, мужчина, сельское хозяйство (животноводство и растениеводство)).

«...Новая агросельхозтехника — важный этап для выращивания зерновых культур, для поддержания роста эффективности и объемов» (эксперт, мужчина, растениеводство).

«...Внедрение всего самого современного, в том числе и цифровых технологий, позволит существенно развить производство основных видов продукции. Над этим и работаем» (эксперт, категория власть, мужчина, животноводство и растениеводство).

«...На этом предприятии стоят роботы, которые доят коров, доильные комплексы; ... учёт уже компьютерный на этих больших комплексах. И животные — высокопродуктивные. Старые технологии уходят. Невозможно получить продукцию высокого, хорошего качества..., применяя старые технологии» (эксперт, категория власть, женщина, животноводство и растениеводство, Казанский р-н).

Именно инновации, по мнению экспертов, являются основой повышения производительности труда, что будет обеспечивать результат, положительно отражаясь на финансовых показателях. Например:

«Возможности повышения производительности труда, внедрения новых технологий, внедрения новых сортов, внедрения новой техники... Возможности есть... Но, конечно, получать прибыль» (эксперт, мужчина, сельское хозяйство (животноводство и растениеводство)).

Наряду с этим, развитие сельскохозяйственных предприятий во многом определяют такие факторы, как наличие рынка сбыта. Несколько высказываний по этому поводу приведем в качестве примера:

«...Самое главное — это рынок сбыта» (эксперт, мужчина, растениеводство).

«...Есть спрос — появляются новые сотрудники, новое оборудование и так далее» (эксперт, мужчина, производство комбикормов).

«Важно — рынок сбыта. Новые предприниматели вышли на этот уровень, стало более конкурентно» (эксперт, мужчина, растениеводство).

В ходе интервью было выявлено, что у мелких сельхозпроизводителей в настоящее время есть серьезные проблемы с продвижения товара. На фоне объемов производства крупных компаний мелкие СХО не выдерживают конкуренции и не имеют в своей институциональной ментальности «нацеленности на рынки в глобальном масштабе» [26]. Любые решения, в том числе касающиеся расширения производства, внедрения в производство чего-то нового, требуют взвешенных решений. Считается, что руководитель современный СХО умеет вести экономический и финансовый анализ, просчитывать потенциальные риски, однако на практике часто бывает обратное:

«В сельском хозяйстве так: ты должен всё просчитать» (эксперт № 21, женщина, животноводство), иначе «вылетишь в трубу».

«Я работаю только в этом СХО [название компании], потому что они готовы платить. ... В полуфабрикаты я всё продаю гораздо выгоднее» (эксперт № 5, женщина, животноводство).

Оценка использования мер государственной поддержки, по мнению экспертов, неоднозначна. Явно то, что далеко не все сельхозпроизводители пользуются такими возможностями по разным причинам. В качестве одного из самых распространенных ответов приведем следующий пример высказывания:

«По поводу государственной поддержки, не знаю, я ей не особо пользовался» (эксперт, мужчина, производство комбикормов).

Хотя нельзя не признать, что для части мелких производителей именно государственная поддержка стала толчком и возможностью для становления и развития бизнеса. Например:

«Субсидирование, субсидирование. Ну изначально всё началось с программы поддержки... Это агростартап. ... Мы решили принять участие. Был составлен бизнес-план... Специалисты помогли это сделать, и мы благополучно выиграли грант. ...На литр молока мы получаем субсидию. ...Мы получили поддержку на корма.

Накупили корма, нам хватило на 3 месяца зимы тяжелой самой. Это ощутимо, это чувствительно, это значимо вот. Ну и надеемся, вот купили новый трактор, надеемся тоже получить поддержку» (эксперт, мужчина, животноводство).

Состоявшиеся предприниматели чаще полагаются исключительно на себя, что ещё раз говорит об институциональном фундаменте их рационального поведения:

«Только на себя надеяться. Сегодня помогут — спасибо, как говорится, «дай Бог», не помогут — ладно, обойдёмся, сами справимся, как говорится в известной пословице: «на Всевышнего надейся, но сам не плошай» (эксперт, мужчина, растениеводство);

«За помощью ни к кому не обращаюсь ... Возникнут проблемы — значит мы их должны решать сами» (эксперт, женщина, животноводство).

Последние экспертные интервью проводились уже в разгар жестких экономических санкций, принятых в 2022 г. На вопрос: «С какими сложностями и проблемами Вы столкнулись в этом (текущем) году?» мы преимущественно получили ответы следующего типа:

«Как таковых изменений я бы не сказал, что они были... Как работали, так и работаем» (эксперт, мужчина, производство комбикормов).

«Ну, как сказать, изменений, вроде, нет... А трудности, они всегда были и будут, наверное, хоть какие, сначала одни, потом другие появляются. Вот так» (эксперт, мужчина, животноводство).

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В статье представлена модель поведения современного крестьянина с точки зрения встроенности (embeddedness) в такие сельскохозяйственные организации, которые отражают собой ситуации изоморфных формальных и неформальных процессов, с целью объяснить «поразительную однородность организационных форм и практик». Это было продемонстрировано в эмпирических исследованиях на примере идеального типа трёх разных СХО — по масштабу

деятельности. Их однородность по динамике рентабельности была продемонстрирована с точки зрения однородности институциональных процессов как результат действия трех изоморфных механизмов — принудительного, миметического (подражательного) и нормативного, в соответствующей общей институциональной среде однородных сельских территорий юга Тюменской области. В контексте представленных нарративов было показано, что все изучаемые СХО подчиняются жёстким политическим правилам, строго навязываемым государством, имитируют успешные форматы и организации работ в ответ на неопределенность и соблюдают чёткие правила профессионализма. Представленная модель отражает долгосрочную институциональную ситуацию, которая подтверждает гипотезу Роберта Мертона о том, что любое целенаправленное действие подразумевает «рациональность» человеческих действий, когда люди (в том числе работающие в СХО) всегда стремятся использовать объективно наиболее адекватные средства для достижения своей цели. Как показало наше исследование, динамика различных по размерам СХО в целом гомогенна и постоянна (за исключением моментов, когда директор вдруг решит купить новую технику в больших масштабах, и тогда тренд его реальных результатов срывается вниз, а потом вверх). Институциональная формальная динамика по сути дела нивелирует возможные «непредвиденные последствия» тех или иных «сильно глупых или чрезвычайно рискованных» неформальных действий руководителей СХО. Институциональная формальная динамика воспроизводит рутины динамики занятости рабочей силы СХО, и в итоге воспроизводит сельские территории, на которых живут и работают сельские жители, как правило, «в прежнем виде».

2. Среди других выводов из представленных материалов имеет значение то, что если персонал конкретных СХО традиционно демонстрирует эмоциональную приверженность к ним, то формальные институты представляют собой абстракции макро- микро- и мезоуровней в форматах «рационализированных и без-

личных предписаний» и общих «обозначений», независимые от какой-либо конкретной сущности, которой может быть обязана моральная преданность и лояльность [47], что в полной мере отражает современные неформальные институциональные практики.

3. Как показали наши интервью, форматы долгосрочной бухгалтерской и финансовой отчетности разрабатываются и фиксируются в специальных региональных центрах, персонал которых собирает первичную информацию о формальных показателях СХО и потом передает после аналитической переработки по известной статистикам технологии «снизу вверх». Конечно, во всех этих случаях следует подвергать критике теорию социализации с её эмоционально «горячими» образами фактуальной идентификации и интернализации на местах, предпочитая более холодную имплицитную экономику когнитивных моделей, в которых схемы и сценарии заставляют лиц, принимающих решения, сопротивляться формальным показателям СХО на основании «всё новых реалистических доказательств» с мест. Авторы этой статьи склонны считать, что аналитика трудного различения ожидаемых и непредвиденных последствий приводит нас к простой научной метафоре: крестьянин всё делает рационально, не осознавая свой калькулятор в голове. Этому его учат практика СХО, практика его жизни и деятельности на селе и тот его «хабитус» (система установок на правильное действие), который не позволяет ему пропасть бесцельно. Иными словами, люди на селе делают вывод о мотивах своего экономического поведения постфактум (*post hoc*), не обращая внимания на меню законных учётных записей, которые ему дают форматы долгосрочной бухгалтерской и финансовой отчетности. Особо подчеркнём, что для многих директоров СХО показанная им такая отчетность была «просто в диковинку», они о ней никогда и не думали, а просто делали своё дело.

4. Несмотря на то, что ретроспективная динамика ключевых показателей исследуемых СХО может несколько отличаться значениями колебаний в отдельные годы, однако к 2021 г. в

средневзвешенном диапазоне разницы ключевых переменных выручки и прибыли приближаются к «сходной» («изоморфной») амплитуде. Подчиняясь формальным институциональным правилам, имитируя успешные форматы работы в ответ на неопределенность, СХО стремятся к росту рентабельности, о чем свидетельствуют объективные данные бухгалтерской и финансовой отчетности за 2015, 2019 и 2020 гг., хотя к 2021 г. рентабельность всех рассматриваемых сельскохозяйственных организаций снизилась, и, к сожалению, приняла отрицательные значения для СХО-3. Таким образом, наша эмпирика фиксирует экономические факты того, что изоморфные механизмы эмпирически идентифицируются частично. Отсюда мы делаем вывод о том, что принципиально важна идентификация и концептуализация не только наличной «институциональной мозаики», но и компонентов адаптации изоморфных механизмов институциональной среды к реальным практикам СХО.

5. Следует также заключить, что, с одной стороны, экономическое поведение СХО в целом подчиняется выявленной и проанализированной Ди Маджио и Пауэллом долгосрочной логике изоморфных институциональных механизмов (принудительного, миметического, нормативного), с другой стороны, в силу реальных объективных обстоятельств, обусловленных неопределенностью внешней среды (высокая себестоимость продукции, закредитованность СХО, сильная зависимость от навязываемых государством правил, потеря фондов земельного банков), пока ещё не в полной мере отражает концептуальные институциональные тенденции, хотя и приближается к ним. Тем не менее, подчеркнём, что предложенная нами модель поведения крестьянина в целом отражает динамику занятости на селе, где воспроизводятся «хабитусы» жизни сельского населения и его руководителей.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодарим своих коллег.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балахнина А. Г. Особенности поддержки сельского хозяйства (на примере Тюменской области) / А. Г. Балахнина, Г. Ф. Ромашкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 1 (21). С. 24-48.
2. Белова Т. Н. Процессы импортозамещения в агропродовольственной сфере / Т. Н. Белова // Экономика региона. 2019. Том 15. № 1. С. 285-297.
3. Верховин В. И. Экономическое поведение: в 2 ч. / В. И. Верховин. Москва: РУДН, 2015. Ч. 1. 2015. 91 с.
4. Виноградский В. Г., Виноградская О. Я. Отечественное фермерство: сигналы новизны // Крестьяноведение. 2022. Том 7, № 1. С. 131-146.
5. Государственный (национальный доклад) о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2019 году. Материалы Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/%D0%93%D0%BE%D1%81%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%20%D0%B7%D0%B0%202019%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf> (дата обращения 20.07.2022).
6. Давыденко В. А. Современные мировые контексты социологии села в реалиях российской сельской жизни / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, М. В. Худякова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6, № 3 (23). С. 79-129.
7. Данные Управления ФСГС по Тюменской области. Численность населения за 2017-2020 годы. URL: <https://tumstat.gks.ru/search?q=%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 20.07.2022).
8. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Посевные площади сельскохозяйственных культур. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31328> (дата обращения 20.07.2022).
9. Информационно-аналитический портал «Макроэкономические исследования». URL: <https://be5.biz/makroekonomika/index.html> (дата обращения 20.07.2022).
10. Минсельхоз: В Тюменской области растет производство молока. URL: https://dairynews.today/news/minselkhoz-v-tyumenskoj-oblasti-rastet-proizvodstv.html?sphrase_id=16187527 (дата обращения 25.07.2022).
11. Официальный сайт Минсельхоза. URL: <https://mcx.gov.ru/analytics/> (дата обращения 25.07.2022).
12. Петрик М. Постсоветская трансформация сельского хозяйства: и все-таки успех? // Крестьяноведение. 2022. Том 7, № 1. С. 103-130.
13. Радаев В. В. Предисловие научного редактора / В. В. Радаев // Флигстин Н., Макадам, Д. Теория полей / пер. с англ. Е. Б. Головляницыной; под науч. ред. В. В. Радаева. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 464 с. С. 10-30.
14. Радаев В. В. Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России / В. В. Радаев. Москва: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. 384 с.
15. Радаев В. В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы / В. В. Радаев // Экономическая социология: электронный журнал. 2001. Том 2, № 3. С. 5-26.
16. Сельское хозяйство в России. Стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. 100 с.
17. Сельское хозяйство в Тюменской области (2015-2019): Стат. сб.: в 2 ч. Ч. 1. Тюменская область, Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского автономного округа Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа) / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу - Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Тюмень, 2020. 214 с.
18. Седова Н. Г. Проблемы кредитования сельскохозяйственных предприятий в санкционных условиях / Н. Г. Седова, Д. Л. Скипин, Г. А. Мосунов // Финансовая экономика. 2020. № 10. С. 390-392.
19. Серова Е. В. Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму / Е. В. Серова, А. М. Никулин // Крестьяноведение. 2022. Том 7, № 3. С. 210-245.

20. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики. Сельское хозяйство и балансы продовольственных ресурсов. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy
21. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики. Всероссийские сельскохозяйственные переписи. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/75792> (дата обращения 20.07.2022).
22. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики. Товарная структура импорта и экспорта Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11193> (дата обращения 15.08.2022).
23. Топ-50 агрохолдингов в 2020 году. ФГБУ «Центр Агроаналитики», 12.01.2021. URL: <https://specagro.ru/news/202012/dolyatop-50-agroholdingov-v-vyruchke-apk-rossii-v-2020-godu-mozhet-dostich-26> (дата обращения 15.08.2022).
24. Фадеева О. П. (2022) Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус / О. П. Фадеева // Крестьяноведение. 2022. Том 7, № 2, С. 122-158.
25. Флигстин Н. Теория полей / Н. Флигстин, Д. Макадам; пер. с англ. Е. Б. Головляницыной; под науч. ред. В. В. Радаева. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 464 с.
26. Худякова М. В. Сельскохозяйственные бизнесмены юга Тюменской области: анализ жизненных историй / М. В. Худякова, Д. И. Шашкин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7, № 4 (28). С. 46-68.
27. A Theory of Fields (2015) by Neil Fligstein (Author), Doug McAdam (Author) Publisher: Oxford University Press; Reprint edition (April 1, 2015), 256 pages.
28. Abrutyn Seth (2006) Introduction. In Abrutyn S. (ed.) (2016) Handbook of contemporary sociological theory. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 1-18.
29. Abrutyn Seth (2016). Institutional Spheres: The Macro-Structure and Culture of Social Life. In: Abrutyn S. (ed.) (2016) Handbook of contemporary sociological theory. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 207-229.
30. Alexander, Jeffrey (1983). The Modern Reconstruction of Classical Th Parsons. Vol. 4 of Theoretical Logic in Sociology. Berkeley: University of California Press; xxv + 530 pages. DOI <https://doi.org/10.4324/9781315815787> (дата обращения 15.11.2022).
31. B. Guy Peters (2012) Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. 3rd edn. New York: The Continuum International Publishing Group. 232 pages.
32. Bourdieu's theory of social fields: concepts and applications (2015) (Routledge Advances in Sociology). Edited by M Mathieu Hilgers, Eric Mangez. Routledge, 308 pages.
33. Coleman, James S. 1990b. «Commentary: Social Institutions and Social Theory.» American Sociological Review 55: 333-39.
34. Coleman, James S. S (1990), Foundations of Social Theory (Cambridge, Mass.: Harvard University Press).
35. Coleman, James S. S. (1986), 'Social Theory, Social Research, and a Theory of Action', American Journal of Sociology, 91:1309-35.
36. Davydenko, V.A.; Romashkina, G.F.; Skripnuk, D.F.; Khudyakova, M.V. Post-Soviet Transformations in Russian Rural Areas: The Role of Institutions. - Agronomy 2022, 12 (7), 1607. URL: <https://doi.org/10.3390/agronomy12071607> (дата обращения 10.10.2022).
37. DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell (1983). 'The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organisational fields'. American Sociological Review. Vol. 48, No. 2 (Apr., 1983), pp. 147-160.
38. DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell (1991). «Introduction». In The new institutionalism in organizational analysis, edited by Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio. Chicago Press; (1 edition October 25, 1991), 486 pages; 1-41 pages.
39. Fligstein, Neil, and Doug McAdam (2011) «Towards a general theory of strategic action fields». Sociological Theory 29: 1-26.
40. Friedland Roger, Alford Robert (1991) Bringing society back in: symbols, practices, and institutional contradictions. In The new institutionalism in organizational analysis, edited by Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio. Chicago Press; (1 edition October 25, 1991), 486 pages; pp. 232-263.

41. Giddens Anthony (1987). *Social Theory and Modern Sociology* (Cambridge: Polity Press, 1987), 312 pages.
42. Giddens Anthony (1989). *A Sociology*. Oxford, 1989, 768 pages.
43. Giddens, Anthony (1993). *New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies*, 2nd ed. (Stanford: Stanford University Press, 1993), viii, 186 pages.
44. Hedstrom Peter and Udehn Lars (2009) *Analytical Sociology and Theories of the Middle Range*. In *Handbook of Analytical Sociology* (2009). Edited by Peter Bearman, Peter Hedström. Oxford University Press, 794 pages; pp. 25-51.
45. Klutetz Daniel N. and Fligstein Neil (2016) *Varieties of sociological field theory*. In Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 185-205.
46. Merton, Robert K. (1936), 'The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action', *American Sociological Review*, 1: 894-904.
47. Meyer John W. and Rowan Brian (1991) *Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony*. In DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell (editors). (1991) *The new institutionalism in organizational analysis*. Chicago Press; (1 edition October 25, 1991), 486 pages, pp. 41-62.
48. Meyers W. *Evolving agricultural and rural policy in a global context: diverse origins and varied paths* / W. Meyers, T. Johnson // *Handbook of International Food and Agricultural Policies: in 3 vols.* / T. Josling, W. Meyers, T. Johnson (eds.). Singapore: World Scientific Publishing, 2018. Vol. I: *Policies for Agricultural Markets and Rural Economic Activity*. Pp. 1-15.
49. North, Douglass C. (1991). "Institutions". *Journal of Economic Perspectives*. 5 (1): 97-112. doi:10.1257/jep.5.1.97. ISSN 0895-3309]
50. Samuelson William & Zeckhauser Richard (1988) *Status quo bias in decision making*. *Journal of Risk and Uncertainty* volume 1, pages 7-59.
51. Shagaida N. I., Trotsuk I. V. (2022) *Russia's food security under the crisis of 2020-2021: Objective and subjective dimensions* // *Крестьяноведение*. 2022. Том 7, № 2. С. 93-122.
52. Scott Richard W. (2014), *Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities*, Fourth Edition, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, xiii, 345 pages.
53. *Theory of Fields Reprint Edition* by Neil Fligstein (Author), Doug McAdam (Author) Publisher: [Oxford University Press; Reprint edition (April 1, 2015), 256 pages.
54. Turner Jonathan (2016) *Integrating and Disintegrating Dynamics in Human Societies*. In Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 19-42.
55. Turner Jonathan (2016) *The macro and meso basis of the micro social order*. In Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 123-148.
56. Wang Yingyao and Polillo Simone (2016) *Power in organizational society macro, meso and micro*. In Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; 43-61.
57. Zucker Lynne (1991) *The Role of Institutionalization in Cultural Persistence*. In DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell (editors). (1991) *The new institutionalism in organizational analysis*. Chicago Press; (1 edition October 25, 1991), 486 pages, pp. 83-107.
58. Zucker Lynne G. and Schilke Oliver 2020. *Towards a theory of microinstitutional processes: forgotten roots, links to social-psychological research, and new ideas*. *Research in the Sociology of Organizations*, Volume 65B, 371-389.
59. Zucker, Lynne G. 1983. *Organizations as Institutions*. In *Research in the Sociology of Organizations*, ed. S. B. Bacharach, 1-42. Greenwich. Conn.: JAI Press.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-35-63

UDC 316.4

Economic behavior of regional agricultural producers through the prism of financial analysis*

Elena P. Danilova¹, Julia Khudyakova²

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Management and Business,
University of Tyumen, Tyumen, RF
e.p.danilova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-8254-2342

² Master's student of the Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen, Tyumen, RF
y.khudyakova@utmn.ru

Abstract. This article presents a model of the behavior of a modern peasant, which reflects the long-term institutional situation of agricultural organizations (AO) in the context of the generally positive macrodynamics of the agro-industrial complex of the last two decades. The purpose of the work is to analyze the economic behavior of agricultural organizations in the context of the regulatory and design functions of modern institutions, presented in two standard formats: through the «informal sociological prism» of narratives and practices, and through the «economic prism» of accounting and financial indicators. The article is carried out in the tradition of neoinstitutional analysis in the subject areas of economics and sociology of agriculture. Standard methods of economic analysis were methodologically applied in parallel with qualitative methods of sociological research to study the behavioral characteristics of the agricultural sector. As our research has shown, the dynamics of agricultural organizations of various sizes is generally homogeneous and constant (except for the moments when the director suddenly decides to buy new equipment on a large scale, and then the trend of his real results breaks down — first down, then up). Institutional formal dynamics neutralizes the possible negative «unforeseen consequences» of certain highly risky informal actions of the heads of agricultural organizations, simply «stupid» decisions. Institutional formal dynamics also reproduces the routines of the dynamics of the employment of the workforce of agricultural organizations, and, as a result, thereby reproduces rural territories «in the previous form». The authors of this article tend to believe that the analysis of the difficult distinction between expected and unforeseen consequences leads us to a simple scientific metaphor: the peasant does everything rationally, not realizing his calculator in his head. He is taught this by the practice of agricultural organizations, the practice of his life and activities in rural areas and that «habitus» (a system of attitudes to correct action) that does not allow him to «disappear aimlessly». In other words, people in rural areas make a conclusion about the motives of their economic behavior after the fact (post hoc), ignoring the menu of legitimate accounts that long-term accounting and financial reporting formats give them. We emphasize that for many directors of agricultural organizations, this reporting shown to them was «just a curiosity», they never thought about it, but just did their job.

* The research was financial supported by the RFBR (grant No. 20-011-00087).

Keywords: social and economic behavior of representatives of agricultural organizations; institutionalized relations, rules and organizations; institutional dynamics of agriculture; institutional logic; institutional mosaic; isomorphic institutional processes and mechanisms; financial analysis; models of peasant behavior; models as mental systematizations of employment dynamics.

Citation: Danilova E. P. 2022. “Economic behavior of regional agricultural producers through the prism of financial analysis” / E. P. Danilova, Ju. Khudyakova // *Siberian Socium*, vol. 6, no. 4 (22), pp. 35-63. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-35-63

REFERENCES

1. Balakhnina A. G. Features of agricultural support (on the example of the Tyumen region) / A. G. Balakhnina, G. F. Romashkina // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. 2020. Volume 6. No. 1 (21). pp. 24-48. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-1-24-48.
2. Belova T. N. Import substitution processes in the agro-food sector / T. N. Belova // *The economy of the region*. 2019. Volume 15. No. 1. pp. 285-297.
3. Verkhovin V. I. Economic behavior. In 2 parts / V.I. Verkhovin. Moscow: PFUR, 2015. Part 1. 2015. 91 c.
4. Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya. (2022) Domestic farming: signals of novelty // *Peasant studies*. 2022. Volume 7, No. 1, pp. 131-146.
5. State (national report) on the state and use of land in the Russian Federation in 2019. Materials of the Federal State Registration, Cadastre and Cartography Service URL: <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/%D0%93%D0%BE%D1%81%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%20%D0%B7%D0%B0%202019%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf> (accessed 20.07.2022).
6. Davydenko V. A. Modern world contexts of rural sociology in the realities of Russian rural life / V. A. Davydenko, E. V. Andrianova, M. V. Khudyakova // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. 2020. Volume 6. No. 3 (23). pp. 79-129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129
7. Data of the FSSS Office for the Tyumen region. The population for 2017-2020. URL: <https://tumstat.gks.ru/search?q=%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (accessed 20.07.2022).
8. Unified interdepartmental information and statistical system. Acreage of agricultural crops. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31328> (accessed 20.07.2022).
9. Information and analytical portal “Macroeconomic research”. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/index.html> (accessed 20.07.2022).
10. Ministry of Agriculture: Milk production is growing in the Tyumen region. URL: https://dairynews.today/news/minselkhoz-v-tyumenskoy-oblasti-rastet-proizvodstv.html?sphrase_id=16187527 (accessed 25.07.2022)
11. Official website of the Ministry of Agriculture. URL: <https://mcx.gov.ru/analytics/> (accessed 25.07.2022)
12. Petrik M. (2022) Post-Soviet transformation of agriculture: and yet success? // *Peasant Studies* 2022 Volume 7, No. 1, pp. 103-130
13. Radaev V.V. (2022) Preface by the scientific editor. In the book: Fligstin N., Makadam, D. *Theory of Fields* / translated from English by E. B. Golovlyanitsyna; edited by V. V. Radaev; National research. un-ty “Higher School of Economics”. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2022, 464 p.; pp. 10-30.
14. Radaev V.V. 2011. Who owns the power in consumer markets: relations of retail chains and suppliers in modern Russia. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 384 p.
15. Radaev V.V. A new institutional approach: building a research scheme // *Economic Sociology: an electronic journal*. 2001, volume 2, No. 3. pp. 5-26.
16. *Agriculture in Russia. 2021: Statistical compendium/Rosstat*. M., 2021. 100 c.
17. *Agriculture in the Tyumen Region (2015-2019): Statistical collection in 2 parts*. Part 1. Tyumen Region, Tyumen Region (except Khanty-Mansi Autonomous Okrug of Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)

- / Department of the Federal State Statistics Service for the Tyumen Region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. T., 2020. 214c.
18. Semova N.G. Problems of crediting agricultural enterprises in sanctioned conditions / N.G. Semova, D.L. Skipin, G.A. Mosunov // *Financial Economics*, No. 10, 2020. pp. 390-392.
 19. Serova E. V., Nikulin A.M. (2022) "Today in rural development the main thing is to change the paradigm" // *Krestyanovedenie*. 2022. vol. 7. No. 3, pp. 210-245.
 20. Statistical data of the Federal State Statistics Service. Agriculture and food resource balances [https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy]
 21. Statistical data of the Federal State Statistics Service. All-Russian agricultural censuses. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/75792> (accessed 20.07.2022).
 22. Statistical data of the Federal State Statistics Service. Commodity structure of import and export of the Russian Federation. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11193> (accessed 15.08.2022)
 23. Top-50 agricultural holdings in 2020. FSBI "Center of Agroanalytics", 12.01.2021. URL: <https://specagro.ru/news/202012/dolyatop-50-agrokhodgov-v-vyruchke-apk-rossii-v-2020-godu-mozhet-dostich-26> (accessed 15.08.2022)
 24. Fadeeva O. P. (2022) Transformation of rural self-government: Siberian focus // *Krestyanovedenie*. 2022. vol. 7. No. 2, pp. 122-158
 25. Fligstin N., Makadam D. (2022) *Field Theory* / translated from English by E. B. Golovlyanitsyna; edited by V. V. Radaev; National. research. un-ty "Higher School of Economics". - M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 464 p.
 26. Khudyakova M. V. Agricultural businessmen of the south of the Tyumen region: analysis of life stories / M. V. Khudyakova, D. I. Shashkin // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. 2021. Volume 7. No. 4 (28). pp. 46-68. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-46-68
 27. *A Theory of Fields* (2015) by Neil Fligstein (Author), Doug McAdam (Author) Publisher: Oxford University Press; Reprint edition (April 1, 2015); 256 pages.
 28. Abrutyn Seth (2006) Introduction. In Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 1-18.
 29. Abrutyn Seth (2016). *Institutional Spheres: The Macro-Structure and Culture of Social Life*. In: Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 207-229.
 30. Alexander, Jeffrey (1983). *The Modern Reconstruction of Classical Th Parsons*. Vol. 4 of *Theoretical Logic in Sociology*. Berkeley: University of California Press; xxv + 530 pages. DOI <https://doi.org/10.4324/9781315815787> (accessed 15.11.2022).
 31. B. Guy Peters (2012) *Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism*. 3rd edn. New York: The Continuum International Publishing Group. 232 pages.
 32. *Bourdieu's theory of social fields: concepts and applications* (2015) (Routledge Advances in Sociology). Edited by M Mathieu Hilgers, Eric Mangez. Routledge, 308 pages.
 33. Coleman, James S. 1990b. «Commentary: Social Institutions and Social Theory.» *American Sociological Review* 55: 333-39.
 34. Coleman, James S. S (1990), *Foundations of Social Theory* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press).
 35. Coleman, James S. S. (1986), 'Social Theory, Social Research, and a Theory of Action', *American Journal of Sociology*, 91:1309-35.
 36. Davydenko, V.A.; Romashkina, G.F.; Skripnuk, D.F.; Khudyakova, M.V. Post-Soviet Transformations in Russian Rural Areas: The Role of Institutions. - *Agronomy* 2022, 12 (7), 1607. URL: <https://doi.org/10.3390/agronomy12071607> (accessed 10.10.2022).
 37. DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell (1983). 'The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organisational fields'. *American Sociological Review*. Vol. 48, No. 2 (Apr., 1983), pp. 147-160.
 38. DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell (1991). «Introduction». In *The new institutionalism in organizational analysis*, edited by Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio. Chicago Press; (1 edition October 25, 1991), 486 pages; 1-41 pages.

39. Fligstein, Neil, and Doug McAdam (2011) «Towards a general theory of strategic action fields». *Sociological Theory* 29: 1-26.
40. Friedland Roger, Alford Robert (1991) Bringing society back in: symbols, practices, and institutional contradictions. In *The new institutionalism in organizational analysis*, edited by Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio. Chicago Press; (1 edition October 25, 1991), 486 pages; pp. 232-263.
41. Giddens Anthony (1987). *Social Theory and Modern Sociology* (Cambridge: Polity Press, 1987), 312 pages.
42. Giddens Anthony (1989). *A Sociology*. Oxford, 1989, 768 pages.
43. Giddens, Anthony (1993). *New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies*, 2nd ed. (Stanford: Stanford University Press, 1993), viii, 186 pages.
44. Hedstrom Peter and Udehn Lars (2009) Analytical Sociology and Theories of the Middle Range. In *Handbook of Analytical Sociology* (2009). Edited by Peter Bearman, Peter Hedström. Oxford University Press, 794 pages; pp. 25-51.
45. Kluttz Daniel N. and Fligstein Neil (2016) Varieties of sociological field theory. In Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 185-205.
46. Merton, Robert K. (1936), 'The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action', *American Sociological Review*, 1: 894-904.
47. Meyer John W. and Rowan Brian (1991) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. In DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell (editors). (1991) *The new institutionalism in organizational analysis*. Chicago Press; (1 edition October 25, 1991), 486 pages, pp. 41-62.
48. Meyers W. Evolving agricultural and rural policy in a global context: diverse origins and varied paths / W. Meyers, T. Johnson // *Handbook of International Food and Agricultural Policies: in 3 vols. / T. Josling, W. Meyers, T. Johnson (eds.)*. Singapore: World Scientific Publishing, 2018. Vol. I: Policies for Agricultural Markets and Rural Economic Activity. Pp. 1-15.
49. North, Douglass C. (1991). "Institutions". *Journal of Economic Perspectives*. 5 (1): 97-112. doi:10.1257/jep.5.1.97. ISSN 0895-3309]
50. Samuelson William & Zeckhauser Richard (1988) Status quo bias in decision making. *Journal of Risk and Uncertainty* volume 1, pages 7-59.
51. Shagaida N. I., Trotsuk I. V. (2022) Russia's food security under the crisis of 2020-2021: Objective and subjective dimensions // *Крестьяноведение*. 2022. т. 7. №2, с. 93-122
52. Scott Richard W. (2014), *Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities*, Fourth Edition, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, xiii, 345 pages.
53. *Theory of Fields Reprint Edition* by Neil Fligstein (Author), Doug McAdam (Author) Publisher: [Oxford University Press; Reprint edition (April 1, 2015),] 256 pages.
54. Turner Jonathan (2016) Integrating and Disintegrating Dynamics in Human Societies. In Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 19-42.
55. Turner Jonathan (2016) The macro and meso basis of the micro social order. In Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; pp. 123-148.
56. Wang Yingyao and Polillo Simone (2016) Power in organizational society macro, meso and micro. In Abrutyn S. (ed.) (2016) *Handbook of contemporary sociological theory*. Publisher: Springer, 580 pages; 43-61.
57. Zucker Lynne (1991) The Role of Institutionalization in Cultural Persistence. In DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell (editors). (1991) *The new institutionalism in organizational analysis*. Chicago Press; (1 edition October 25, 1991), 486 pages, pp. 83-107.
58. Zucker Lynne G. and Schilke Oliver 2020. Towards a theory of microinstitutional processes: forgotten roots, links to social-psychological research, and new ideas. *Research in the Sociology of Organizations*, Volume 65B, 371-389.
59. Zucker, Lynne G. 1983. *Organizations as Institutions*. In *Research in the Sociology of Organizations*, ed. S. B. Bacharach, 1-42. Greenwich, Conn.: JAI Press.